

Итак, "Взгляд" вернулся, и сейчас, бросая взгляд на "Взгляд", неплохо вспомнить его славную и бесславную историю.

Компания энергичных и честолюбивых молодых людей ворвалась в эфир на волне перестройки и демократических настроений, завоевала большую и заслуженную известность, но постепенно начала численно уменьшаться и эволюционировать на глазах изумленных зрителей, являя три разные ипостаси и преобразуясь в нечто прямо противоположное тому, с чего начиналась. Логичным завершением эволюции было "Политбюро", в котором от прежних убеждений осталась только кепка.

Последнее "прости" увлечениям молодости было сказано, когда за несколько дней до пуска Политковский устроил шикарную презентацию Ручкову, предоставив ему трибуну не где-то там в Белом доме, а непосредственно в каждом доме, где есть телевизор. "Президент" готовился к шоу, был собран, решителен, а ведущий демонстрировал все качества верноподданного, пожирая "президента" влюбленным взглядом. Такова эволюция взглядов. При этом Любимов в своей новой программе безо всякого смущения бросает камень в религиознообращенных, которых, на его взгляд, становится что-то слишком много: "нельзя проснуться утром верующим". Да как же нельзя? Не вы ли заснули на кухне диссидентами, а проснулись в политбюро патриотами?

Обратиться к Любимову во множественном числе мне позволяют его продекларированное в интервью единство с Политковским и Листьевым и утверждение о полном отсутствии между ними каких бы то ни было противоречий. Да и не выветрилось еще из памяти, как в бурную октябрьскую ночь девятости третьего в эфире все трое, как один, призывали страну ко сну, в котором она и так уже семьдесят лет пребывала и, казалось бы, хорошо выспалась, и уверяли, что сон для здоровья нации весьма полезен.

Объединить "Политбюро" с Любимовым мне позволяет и реклама, преподнесенная газетой "Куранты" автору нового "Взгляда" буквально накануне выхода программы. Внутреннее интервью с ним и двойной портрет Любимова с Политковским, до смешного напоминающий известный портрет Николая II с наследником престола, вот только в отличие от репрезентативного портрета Любимов запечатлен в профиль, когда он как раз бросил взгляд в сторону... чего?.. Это, по мысли фотографа, нам предстоит узнать из передачи. Интервью так и называется: "Куда бросит "Взгляд" Александр Любимов".

...Унылой усталостью веет от нового "Взгляда", и ничем он не напоминает центристскую, энергичную и живую старую программу. Там были великолепные, многообразные обыгранные находки. Чего стоила хотя бы "кухня", дающая временную и социальную привязку программы к ночным бдениям диссидентствующей интеллигенции 60 — 70-х годов. В новой программе не придумано ничего. Все, что в ней есть, было. Было, есть и будет в других программах, ибо является отработанным теле-

НАШ ЧЕЛОВЕК У ТЕЛЕВИЗОРА

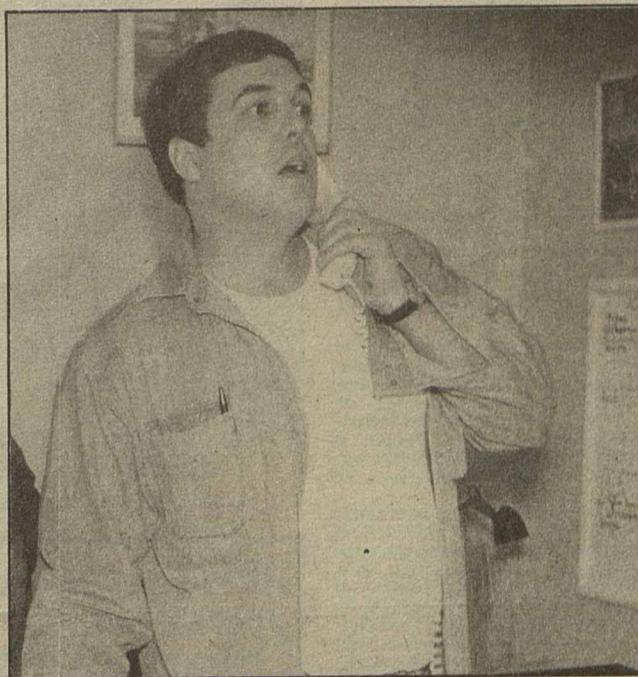
ЛЮБИМОВ ОТВЕЛ "ВЗГЛЯД"

Звукорежиссер — 1994 — 16 лет опыта — 7
на заранее определенных позициях

визионным стандартом. Беседа в кадре — но наш эфир забит беседами, и сам жанр не несет в себе никакой новизны, наоборот, стандарт создает высокий барьер на пути ведущего, преодолеть который ему не удается. Тягаться с таким мастером беседы, как Листьев, или с таким виртуозом политического диалога, как Киселев, не имеющий себе равных на русском ТВ, Любимову не удалось! Он катастрофически проигрывал в мастерстве диалога не только вышеперечисленным, но и многим другим добротным работающим на разных программах журналистам. В таком неудобном варианте дело можно поправить за счет удачного выбора собеседника, который и будет тянуть возок беседы. Тут в

разговор (или режет пленку), чтобы зачитать телезрителям и Аркадию Ивановичу заранее заготовленную цитату и тем закончить дело.

Беседа с Вольским — не единственный диалог-блок в программе. Разговор с режиссером Дыховичным строится не на экономико-политическом материале, а на культурных материях. Режиссер закончил новый фильм. Кадрами из него как раз и разбавляется беседа, образуя своего рода "лапшу". Поговорим — посмотрим кино, поговорим — посмотрим кино. Правда, кино посмотрим немножко, так немножко, что даже трудно понять, что это такое. В частности, что бы могла означать хроника сталинского времени? Во-первых, мы ее на-

качестве собеседника нужна фигура неожиданная, а если не неожиданная, то острая, разговор с которой обречен на то, чтобы быть замеченным (во избежание кривотолков поясню, что имею в виду не острый нос, а острый перец, которым бывает сдобрен интеллект собеседника и материал, тема разговора).

Любимов выбирает Аркадия Вольского, человека весьма уважаемого, солидного и серьезного специалиста, как нельзя более подходящего к роли консультанта или эксперта, но вряд ли могущего служить сюжетом для премьерной программы. Думаю, что и сам Аркадий Иванович себя в таком качестве никогда не рассматривал. Вольский как специалист и Вольский как герой телевизионной программы — люди совершенно разные, и в ощущении этой разницы как раз и проявляется класс ведущего программы.

Но, может быть, внимание будет держать тема, материал беседы? Тема — приватизация, ваучеры. Довольно-таки неплохая тема для разговора. Можно даже сказать — хорошая, теперь все зависит от того, насколько умно и пластично сумеет повести беседу ведущий. И тут — полный провал. В кадре с Вольским Любимов показывает просто непрофессиональную работу в эфире. Он обрывает разговор на том самом месте, где тот мог бы приобрести интересный для зрителя характер. Ведь о том, как не надо делать, мы слышим по ящику пять раз на дню. А вот как же надо? Чтобы мы наконец легли спать прозревшими и заснули с блаженным чувством, что хоть и не изменишь ничего, поскольку все разбазарили, разворовали, распродали, но знаем, в чем ошибка. Вот на этом самом месте возможного перехода разговора от известного к неизвестному Любимов рвет

смотрелись, она превратилась в самый расхожий прием, в один из скучнейших стереотипов, пользоваться которым в творческой работе "опасно для успеха". Во-вторых, она — теми кусками, которые нам представили, — дает понятие о режиссерах тридцатых годов, но никакого о том режиссере, что перед нами сидит. Беседа же с этим режиссером протекает "а ля Дибров".

— Скажите, а красивых женщин стало больше или меньше? — спрашивает Любимов, будто всю жизнь проносил ярусу и взирал на мир исключительно из-за монастырской стены. — ...Скажите, ведь то, что раньше можно было познать на улице, а сейчас нельзя, — это ведь путь к одиночеству?..

Наблюдая за этим вялотекущим разговором, невольно вспоминаешь старый "Взгляд". Неужели время обладало способностью подпитывать творческий акт, сообщая ему собственную талантливость и неповторимость? Может быть, это время было таким талантливым, что преобразило самые заурядные лица? Бывший в 91-м году талантливым Любимов проснулся в 94-м унылым резонером. Может, вредно так долго спать?

И все же наибольшим провалом программы являются не диалоги, заимствующие уже отработанную форму, а относительная "новинка" — репортаж из детской больницы. Сам по себе репортаж — жанр не новый, но в какой-то степени новинкой можно считать фельетонную форму, в которую облечен репортаж. Эта фельетонная форма имеет устойчивую ассоциацию с "Фитилем" Сергея Михалкова, давшего нам превосходные образцы. В них помимо мастерского сценария была выявлена четкость нравственных оценок: если рабочий украл на заводе деталь, это

называется воровством; если в доме прорвало трубу и залило квартиру, это разгильдяйство. Авторы знали, что такое хорошо и что такое плохо. Не то в фельетоне Любимова.

Некий Слава вообразил себя благодетелем. Некий Коля вообразил себя предпринимателем. Некий Слава купил детской больнице санитарную машину. Некий Коля купил этой больнице хороший аппарат. Может быть, для измерения давления, может быть, какой-нибудь другой, ибо аппарат в отличие от машины не показывают. В чем проблема? Может быть, в том, что подаренный автомобиль Слава не оснастил нужной аппаратурой? Отчасти дело в этом. Но в основном (держись, зритель!), в основном проблема в том, что предприниматель Коля так до конца и остается предпринимателем Колей, а Слава в середине репортажа оказывается великим русским музыкантом Мстиславом Ростроповичем. Понял, зритель? Ну что не смеешься? Не понял? Коля-то — наш простой советский бизнесмен, скромный и незатейливый. А Слава — всемирно известный музыкант. Намек понял? Он здесь у нас был, этот Слава, на Красной площади пиликал, аплодисменты собирал, а как дело дошло до дела, как пошел по Америке с шапкой — ни черта не собрал. Чего же его пиликанье стоило? Вот стоит машина. Вот сижу в машине я. Вот говорю на всю Россию: чего же они стоят, "звезды" балета! Ну доведи дело до конца, Слава. Бросай эту свою виолончель. И давай к нам! Станешь простым русским бизнесменом, глядишь, месяцем другой — и машина уже оснастится хорошим американским оборудованием.

Интонация моего пересказа не столько воспроизводит калку во всех смыслах примечательного репортажа Любимова, сколько абсолютно точно отражает психологию зощенковского героя, пронизывающую весь репортаж. Это психология дремучего невежества, непомерных амбиций и бытового хамства, при которой разоблаченному предстает предмет обличения, а сам обличитель. Помилуйте, Саша, ну какой для вас Слава — Мстислав Ростропович? Извините, это свобода лакея за буфетной стойкой, и непременно в отсутствие хозяина. В самой машине предмета разговора нет. Не смог Ростропович собрать деньги на оборудование, собрал только на автобус. Обидно, конечно, но разве есть основание для того, чтобы, развалившись в этом самом автобусе, давать Славе по мордам: ух, сейчас я ему врежу, демократ дерьмовый! Будешь мне на площади пиликать. Он, видите ли, Белый дом защищал. Ты бы лучше аппараты из Америки таскал. Все-таки польза хоть какая-то была бы. А то вся польза-то: "Из России пытаются изъять сердце, вставить американский доллар и сквозь него смотреть на мир — не получится" (цитата из программы Любимова).

...И что же это за название для программы — "Взгляд с Александром Любимовым"? Как может взгляд быть с Александром Любимовым? Он может быть с нюхом, например, или со вкусом... хотя нет, со вкусом и рядом не стоял. Кажется, действительно может быть только с Любимовым. И с советом директоров канала, которому Александр Любимов, как он заявил в интервью "Курантам", не только член, но товарищ и друг. Так что за будущее программы можно не беспокоиться. О'кей, господа!

Кира МИХАЙЛОВСКАЯ.
Фото Владимира НОВИКОВА.